

которого воспринимают себя как объект колонизации, подлежащий коммерческой оценке и эксплуатации.

Доклад *Валерии Соболев* (Иллинойский университет в Урбана-Шампейне) «*Готическая Финляндия в российском имперском сознании (на материале литературы и публицистики сороковых годов XIX века)*» был посвящен связи образа Финляндии в русских литературных текстах и журнальных публикациях с политическими и историческими проблемами русской имперской идентичности. Образ Финляндии в русском культурном и имперском сознании сочетал элементы знакомого и «своего» и в то же время экзотического и «чужого». По мысли докладчицы, колебание между узнаваемостью и экзотической инаковостью Финляндии наделяло эту недавно приобретенную часть Российской империи элементом «жуткого» (фрейдовское *das Unheimliche*). Этот комплекс мотивов и ассоциаций был не исключительно эстетическим и мифологическим — он был связан и с политической проблемой колонизации и ассимиляции Финляндии, ее включением в Историю вообще, равно как и в имперскую историю противостояния России и Швеции. По мнению исследовательницы, эти проблемы в разной форме отразились в двух литературных текстах 1840-х годов — романе Н.В. Кукольника «Егор Иванович Сильвановский, или Завоевание Финляндии при Петре Великом» (1845) и повести В.Ф. Одоевского «Саламандра» (1841—1844).

Конференцию завершил доклад *Ольги Майоровой* (Мичиганский государственный университет) «*Имперское пространство в “Преступлении и наказании”*», в котором убедительно было показано, что известные по публицистике Достоевского имперские взгляды и его интерес к окраинам Российской империи во многом отразились и в его романах, в том числе «Преступлении и наказании», одном из главных произведений «петербургского текста» (В.Н. Топоров). Исследовательница обратилась к многообразию народов Российской империи, отразившемуся в «Записках из Мертвого дома», и продемонстрировала, что в этом произведении возникает утопический образ напоминающей фурьеристскую коммуны «империи любви», где преодолеваются конфликты разных народов. Анализируя «Преступление и наказание», Майорова выделила тонкий слой ассоциаций, связывающих петербургскую тему с темой имперского пространства. Исследовательница показала, как автор романа косвенно создает представление о всепримиряющем значении Российской империи, в которой могут разрешиться не только национальные, но и гендерные и экономические противоречия современного мира.

Алина Бодрова, Сергей Гуськов, Кирилл Зубков

Круглый стол «Пространства позднесоветского: гомогенность или гетерогенность?»

(ИГИТИ НИУ ВШЭ / ТюмГУ, 27 ноября 2020 года)

27 ноября 2020 года в рамках совместного исследовательского проекта «Поздне/Постсоветское: ценности, практики, акторы» состоялся круглый стол «Пространства позднесоветского: гомогенность или гетерогенность?». Мероприятие стало

первой масштабной презентацией научного партнерства Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева НИУ ВШЭ и исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета, реализуемого по программе «Зеркальных лабораторий» НИУ ВШЭ¹. Вниманию слушателей, подключившихся к онлайн-дискуссии, было представлено шесть докладов, с различных позиций анализирующих степень влияния пространственного и/или регионального факторов, а также природных и культурных ландшафтов на динамику исторического процесса на различных территориях СССР².

Как отметил один из модераторов дискуссии, заместитель директора ИГИТИ имени А.В. Полетаева ВШЭ *Борис Степанов*, сама по себе форма научной работы в «Зеркальной лаборатории», объединяющая исследователей из региональных научных центров и специалистов Высшей школы экономики, стимулирует анализ позднесоветского периода отечественной истории с различных позиций, обусловленных региональными рамками исследований. Внимание к региональной специфике историко-культурного опыта является одним из ключевых моментов в работах сотрудников лаборатории и позволяет сформулировать несколько важных исследовательских вопросов, общих для историков, работающих, казалось бы, над несхожими проблемами.

Первый и главный из этих вопросов — насколько пространственный и географический фактор должен учитываться в исследовании советского опыта? Притом что территориальный масштаб СССР, неравномерность его экономического и инфраструктурного развития, этнокультурное разнообразие населения государства традиционно выступают как важнейшие характеристики Советского государства и давно стали предметом анализа экономических историков, для исследователей, работающих в русле социальной и культурной истории, исторической антропологии и истории повседневности, советский опыт имплицитно представляется гомогенным. Многие работы по истории позднесоветского периода построены на материалах Москвы и Ленинграда, но результат анализа этих источников автоматически экстраполируется на всю территорию СССР. В то время как социокультурная и экономическая специфика союзных республик стала основой для национальных историографий постсоветских государств и учитывается в общих работах по истории СССР, своеобразие даже национальных регионов РСФСР зачастую упускается из виду. Проблематизировать и преодолеть этот дисбаланс призваны работы участников «Зеркальных лабораторий», в частности исследования, результаты которых были представлены на круглом столе. Внимание участников встречи было сфокусировано главным образом на вопросах формирования региональных пространств и специфике сообществ, интеллектуальных сетей и культурных явлений в разных регионах Советского Союза.

Другой вопрос был сформулирован организатором встречи, научным сотрудником исследовательского центра «Человек. Природа. Технологии» *Александром Фокиным* в качестве гипотезы: можно ли говорить о множестве позднесоветских периодов, которые протекали параллельно друг другу в разных частях страны? Особенно актуальным этот вопрос представляется при рассмотрении истории Западной Сибири 1960—1980-х годов. Активное развитие региона в условиях становления нефтегазового комплекса СССР, которое не сводилось исключительно к наращиванию производственных мощностей, но влияло на все стороны экономической, социальной и культурной жизни региона, ставит, по мнению Александра

1 Подробнее о научном партнерстве см.: <https://igiti.hse.ru/mirrorlab>

2 Видеозапись круглого стола доступна на официальном Youtube-канале ИГИТИ им. А.В. Полетаева: <https://www.youtube.com/watch?v=u3dTNpTVteE&t=10303s>

Фокина, под сомнение традиционный взгляд на этот исторический период как на «эпоху застоя».

Круглый стол открыл доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН *Михаил Агапов* докладом «*Феномен позднесоветского нефтяного города: случай Когалыма*». Хотя истории нефтегазового освоения Западной Сибири посвящены десятки исследований, история урбанизации региона изучена в гораздо меньшей степени. На примере Когалыма — одного из городов, возникших в Западной Сибири при разведке и разработке нефтяных месторождений, — Агапов предложил микроисторический анализ развития социальной структуры подобных населенных пунктов. На первый взгляд, история Когалыма мало отличается от истории других «молодых нефтяных городов», возникавших и развивавшихся по мере становления инфраструктуры региона, связывавшей «опорный город» (областной центр), «базовые города» (крупные промышленные города региона) и «организационно-хозяйственные центры» (поселения, возникавшие при месторождениях). Тем не менее социальная структура населения Когалыма, проанализированная автором по публикациям в прессе 1970—1980-х годов, мемуарам, интервью строителей и первых поселенцев, а также проведенному в 2017 году исследованию празднования Дня города, оказывается значительно сложнее, нежели схематичное представление о городе, возникшем «на пустом месте». Докладчик выделил три особенности формирования населения Когалыма, которые до сих пор определяют его социальные противоречия. Во-первых, как и в других промышленных центрах, развитие города определялось активностью градообразующего предприятия и конкретными инициативами его руководителей, что формировало дисбаланс качества жизни и социальных ожиданий между «производственниками» (участниками промышленного освоения Сибири) и «не-производственниками» (горожанами, занятыми в других сферах). Во-вторых, основание и развитие города происходило за счет привлечения рабочей силы из разных регионов СССР, что не только определило разнообразие городского населения Когалыма, но и становилось источником потенциальных конфликтов. Наконец, несмотря на то что Когалым сейчас является фактической «столицей городов “Лукойла”», основан он был не как «нефтяной» город, развивающийся при месторождении, а как опорная станция строительства железной дороги «Сургут — Новый Уренгой». Различный исторический опыт «железнодорожников» и «нефтяников» позволяет им по-разному интерпретировать и историю города, и его современное развитие.

Оживленную дискуссию вызвал доклад научных сотрудников исследовательского центра «Человек. Природа. Технологии» *Михаила Пискунова* и *Тимофея Ракова* «*Улитка на склоне в Сибири: пространства леса и науки в позднесоветском Академгородке*». Выступление было определено авторами как «отчасти хулиганское, отчасти творческое», но именно этот неортодоксальный подход к анализу исторического материала придавал динамику обсуждению результатов исследовательского проекта. Авторы обратили внимание на то, что модели развития сибирских академгородков (новосибирского, красноярского, иркутского и томского) не были закреплены в каких бы то ни было установочных документах, и проект организации и развития науки в Сибири, реализовывавшийся с 1950—1960-х годов, открыт для интерпретаций. По сути, докладчики предложили анализировать новосибирский Академгородок (ставший образцом пространственной организации научных учреждений) как текст, сопоставляя его с двумя другими важными позднесоветскими текстами: фантастической прозой братьев Стругацких и Программой построения коммунизма, озвученной Н.С. Хрущевым на XXII съезде КПСС. Реальный лес, являющийся доминантой культурного и природного ландшафта Академгородка, мо-

жет быть сравним как с «городом-садом», одним из образов коммунистического будущего, проникшим в речь Хрущева из поэзии Маяковского, так и с образом Леса из романа «Улитка на склоне», представляющим будущее, напротив, как нечто неясное и потенциально опасное. Таким образом, лес становится метафорой будущего, которая в различных мемуарных нарративах интерпретируется как в оптимистичном, так и в пессимистичном ключе, и дает мемуаристам язык для описания социальных изменений в Академгородке на протяжении всей его истории.

Доклад научного сотрудника ИГИТИ имени А.В. Полетаева *Дмитрия Козлова «Региональные сети диссидентского движения 1960—1970-х (на материале Архангельской области)»* был посвящен региональному измерению важного феномена позднесоветского общества, традиционно рассматриваемого на материале Москвы, Ленинграда и союзных республик. В своем выступлении докладчик отметил не только отличия «провинциального опыта» политического инакомыслия от «столичных образцов», но и вариативность этого опыта в различных областях Советского Союза. Пространственный фактор становится заметен в первую очередь по мере удаленности того или иного региона от столиц и крупных культурных центров. Тогда как в населенных пунктах «за 101-м километром» (в первую очередь в близких к Москве Калуге и Тарусе) ограниченные в свободе перемещения политически репрессированные, оставаясь частью столичных диссидентских сетей, становились центральными фигурами в местных диссидентских сообществах; в более удаленных населенных пунктах, выбранных как место ссылки или поселения, диссиденты чаще оказывались изолированными от местных сообществ. В то же время иной уровень идеологического контроля в регионах и «кадровый голод» (в первую очередь во вновь открывающихся культурных и образовательных институтах), который в сталинское время позволял устраивать на работу репрессированных, в позднесоветское время привлекал в регионы молодых специалистов, по различным (не обязательно политическим) причинам не имевших возможности реализовать в крупных городах. Сохраняя связи со своим окружением в столицах, они становились важными «узлами» сетей изготовления и распространения самиздата и тамиздата, сетей политической солидарности.

Старший научный сотрудник лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского государственного университета *Федор Корандей* в своем докладе «*Северо-восточный проект советской поэзии: репрезентационные кампании как инструмент литературной колонизации*» предложил обратить внимание на «имплицитную географичность» советского поэтического канона — традицию изображения географического и социального пространства СССР масштабным и сложно организованным. Советская литература, описывавшая успехи советской индустрии, сама имела индустриальный характер. Поэтому развитие промышленности и становление инфраструктуры осваиваемых регионов необходимо анализировать одновременно с изменениями в организации системы советской литературной индустрии (в первую очередь создание Союза писателей РСФСР и реформирование региональных литературных институций). С одной стороны, проект по созданию единой литературной инфраструктуры, направленный в том числе на развитие региональных литературных традиций, воспевавших красоты и успехи малой родины, имел определенные успехи (например, включение новых территорий Сибири в сибирский текст российской/советской литературы). Однако оборотной стороной его реализации стали консервация регионально детерминированных иерархий, закрепление разрыва между «центральной» и «местной» литературой, формирование развитого бюрократического аппарата и производство огромного количества публикуемой региональными издательствами массовой литературы плохого качества.

Аспирантка факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, стажер-исследователь ИГИТИ имени А.В. Полетаева *Елизавета Лысенко* в своем докладе «*Конструирование традиции в имидже белорусских ВИА*» показала, как региональность проявлялась в формировании визуальных образов вокально-инструментального ансамбля «Песняры». Исследовательница продемонстрировала, как с помощью апелляций к народной культуре происходило своеобразное конструирование традиций, и проанализировала, какие агенты и в какой форме были вовлечены в этот процесс. Несмотря на то что ВИА «Песняры» воспринимались и продолжают восприниматься как один из символов белорусской культуры, сценический образ и выбор фольклорного репертуара не были изначальным решением музыкантов. Более того, основатель ансамбля Владимир Мулявин не был этническим белорусом и переехал в Минск из Свердловска после службы в армии. Ориентированность на фольклорные образы в музыке, текстах песен и имидже, как и само название «Песняры», взятое из стихотворения классика белорусской литературы Янки Купалы, проявилась только во время Всесоюзного конкурса артистов эстрады 1969 года. После этого фольклорная карта неоднократно разыгрывалась как самими музыкантами, так и представителями музыкальной администрации (филармонические организации, министерство культуры БССР), телевидения, студии звукозаписи, и каждый из акторов преследовал собственные цели, апеллируя к традиционной белорусской культуре. В итоге если в начале творчества акцент в определении «Песняров» как «белорусского ВИА» стоял на слове «ВИА», то уже к концу 1970-х он сместился на первое слово — и целенаправленно сконструированный творческий проект музыкантов, работавших в жанре популярной музыки, стал восприниматься как аутентичная репрезентация национальной культуры республики.

Завершал программу круглого стола доклад ведущего научного сотрудника ИГИТИ имени А.В. Полетаева *Александра Дмитриева*. Сформулировав тему своего выступления в качестве провокативного вопроса «*Была ли городская история в позднем СССР?*», исследователь пришел к выводу, что в интеллектуальном поле СССР конца 1940-х — середины 1980-х отсутствовало структурированное направление городской истории. Этот вывод был сформулирован на основе анализа позднесоветских практик торжественного празднования юбилеев городов, которые, по мнению властей, должны были удовлетворять общественный интерес к локальной истории. В то время как региональные и республиканские партийные органы использовали торжественные празднования юбилеев древних городов для реализации собственных политических амбиций и решения тех или иных текущих задач, историки привлекались к этому лишь на служебных ролях (уточнение датировок, обоснование аутентичности деталей празднования и т. п.). Такое «прикладное» использование труда историков, вкупе с прерыванием традиций краеведческих исследований во время политических репрессий конца 1920-х — 1930-х годов, не способствовало росту интереса к городской истории в профессиональном сообществе. С другой стороны, некоторые историки реализовывали свой интерес к городским исследованиям в рамках изучения и преподавания вспомогательных исторических дисциплин, исторической географии, истории искусств. И лишь в 1990-х, по мнению Дмитриева, начал происходить синтез различных историко-урбанистских подходов. Озвучив основные тезисы своего исследования, докладчик призвал коллег к продолжению дискуссии по проблемам городской истории в позднем СССР.

Дмитрий Козлов